

К 80-летию

со дня

рождения

Гарсиа Лорки

Пабло Неруду связывала с Федерико Гарсиа Лоркой дружба, оставившая глубокий след в творчестве обоих великих поэтов.

Сегодня мы публикуем отрывок из книги воспоминаний Пабло Неруды «Признаюсь, что я жил», которая выходит на русском языке в Политиздате.

И мы это проделали, но никто об этом заранее не знал. Когда пришел момент поблагодарить президента Пен-клуба за банкет, мы поднялись — оба разом — как два тореро, — чтобы сказать одну речь. Все сидели за отдельными столиками. Федерико — в одном конце зала, а я — в другом, и когда мы оба встали, то сидевшие рядом со мной, думая, что вышла ошибка, стали дергать меня за пиджак, чтобы я сел, и те, кто сидел рядом с Федерико, делали то же самое. Мы стали говорить вместе, он начал: «Дамы», а я подхватил: «И господа», и говорили, вступая по очереди так, что получилась единая речь. Речь эта была посвящена Рубену Дарио, и мы с Гарсиа Лоркой, при том, что никто не мог заподозрить нас в модернизме, восславили Рубена Дарио как одного из великих создателей поэтического языка в испанской речи.

...Как раз теперь, когда я пишу эти строки, официальная Испания празднует годовщину — уже которую! — того мятежа. В этот момент в Мадриде каудильо, разодетый в синие с золотом, в окружении личной гвардии марокканцев вместе с американским, английским и другими послами делает смотр своим войскам. Войскам, состоящим в большинстве из мальчишек, не знавших той войны.

А я ее знал. Миллион испанцев — в земле! Миллион — в изгнании! Казалось, никогда из сознания человечества не уйдет эта кровавая заноза. И, однако же, парни, которые сейчас проходят парадом перед марокканской гвардией, по-видимому, не знают этой страшной истории.

Для меня все началось ночью 18 июля 1936 года. Один симпатичный чилиец, искатель приключений, по имени Бобби Делане был устройтелем представления кэтчистов в мадридском цирке «Прин-

участие в этом банкете, кто-то целый день названивал по всем телефонам, оповещая, что торжество отменяется. Постарались на славу, обзвонили всех — даже директору отеля позвонили, даже телефонистке и шеф-повару, чтобы не принимали поздравлений — и не готовили ужина. Но их затея провалилась, и мы все-таки встретились с Гарсиа Лоркой в кругу сотни аргентинских писателей.

Мы их удивили. Мы приготовили им речь «alimón». Вы, наверное, не знаете, что значит это слово, да и я не знал. Федерико, который был мастером на всякие выдумки и розыгрыши, объяснил:

«Есть такой прием, когда тореро выступают против одного быка с одним плащом на двоих. Это один из самых опасных приемов в тавромахии. И потому видеть его можно исключительно редко. Такое случается два или три раза в сто лет и возможно лишь в том случае, если эти два тореро — родные братья или если у них одна кровь. Вот это и называется бой «alimón». То же самое сегодня мы проделаем с речью».

В этом году в Испании вышла книга «Огонь, крик, луна». Ее автор — композитор и поэт Фина Кальдерон собрала огромный архивный материал о творчестве Гарсиа Лорки. Мы публикуем рисунок Хосе Кабальеро из этой книги.

се». Как-то я очень сдержанно отозвался об этом его «спорте», и он уговорил меня прийти в цирк вместе с Гарсиа Лоркой и самому убедиться в том, что зрелище настоящее. Я уговорил Федерико, и мы с ним условились встретиться там в назначенный час. Посмотреть своими глазами на зверства Троглодита в Маске, Абиссинского Душителя и Злобного Орангутана.

Но Федерико в назначенный час не пришел. Он уже ступил на дорогу смерти. Больше мы с ним не виделись. Впереди у него было свидание с иными душителями. Итак, война в Испании, изменившая мою поэзию, началась для меня тем, что сгинул поэт.

И какой поэт! Я не встречал больше ни в ком такого сочетания блистательного остро-

умия, таланта, крылатого сердца и блеска под стать хрустальному водопаду. Федерико Гарсиа Лорка был подобен щедрому, расточающему добро духу, он впитывал и дарил людям радость мира, он был планетой счастья, радости, жизни. Простодушный и артистичный, одинаково не чуждый космо-ческому и провинциальному, необыкновенно музыкальный, великодушный мим, робкий и суеверный, лучащийся и веселый, он словно вобрал в себя все возрасты Испании, весь цвет народного таланта, все то, что дала арабско-андалусская культура: он освещал и одаривал благоуханием, точно цветущий жасминовый куст, ту Испанию, какой — боже мой! — теперь уже нет.

Я был пленен властью метафор Гарсиа Лорки, мне было

интересно все, что он писал. И он тоже иногда просил меня прочесть мои последние стихи. И, случалось, прерывал меня на середине: «Не надо, хватит, а то я начинаю попадать под твое влияние!»

В театре и в тишине, среди толпы и в самый торжественный момент он умел множить красоту. Я никогда больше не встречал человека, руки которого умели бы так творить волшебство, никогда у меня не было брата веселее Федерико. Он смеялся, пел, музицировал, прыгал, что-то придумывал, — весь искрился. Все на свете дарования, все таланты были у него, а он, как золотых дел мастер, как трудовая пчела на пасеке великой поэзии, щедро, не скупясь отдавал свой гений.

Перевела с испанского Л. СИНЯВСКАЯ

Пабло НЕРУДА

КРЫЛАТОЕ СЕРДЦЕ

В 1932 ГОДУ после двух-месячного путешествия по морю я вернулся в Чили. Там я опубликовал «Восторженного прачника», который странствовал со мною в рукописи, и «Местожительство — земля», которое я написал на Востоке. В 1934 году меня назначили консулом Чили в Буэнос-Айресе, и в августе я приехал туда.

Почти в одно время со мной в этот город приехал Федерико Гарсиа Лорка — ставить там с труппой Лолы Мембривес свою трагедию «Кровавая свадьба». Мы не были раньше знакомы, а познакомились теперь — в Буэнос-Айресе, и потом не раз писатели и друзья устраивали там в нашу с ним честь праздники. По правде сказать, случались и неприятности. У Федерико были противники. У меня они тоже всегда были, да и по сей день в них нет недостатка. Им, этим противникам, словно неместся, они норовят испортить праздник, погасить свет, чтобы тебя не было видно. В тот раз Пен-клуб решил устроить в нашу с Федерико честь банкет в отеле «Пласа», и, когда выяснилось, что многие захотели принять